

А.В. Шевцов

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ М.И. КАРИНСКОГО

Предметом рассмотрения в статье стали философские взгляды М.И. Каринского (1840–1917) — профессора Санкт-Петербургской духовной академии. Прослежена связь его воззрений с традицией философствования в духовных академиях, а также выявлены источники и параллели философии М.И. Каринского: древнегреческая мысль Анаксимандра, Платона, Аристотеля и неокантианские теории. Каринский дает оригинальное толкование некоторых концепций логического учения — таких, как самоочевидные истины, агрегат. Поставлен вопрос о предвосхищении Каринским учений о явлениях, феноменологии как разновидности скептицизма.

Ключевые слова: Духовно-академическая философия, М.И. Каринский, классификация выводов, агрегат, самоочевидные истины, логика, история философии.

Наследие выдающегося отечественного философа М.И. Каринского (1840–1917) по-прежнему изучено в недостаточной степени. Исследования текстов философа, в основном, были обращены только к отдельным темам, но подробного и всестороннего изучения его творчества фактически не предпринималось. Только сейчас в нашей стране ситуация начинает меняться. Отдельные факты и вехи биографии Михаила Ивановича Каринского могут и должны рассматриваться с целью понимания эволюции взглядов философа. В данной статье идеи М.И. Каринского сопоставляются с концепциями его современников, а также предпринята попытка найти точки пересечения взглядов мыслителя с другими учениями, а также попытка отыскать параллели его идеям в современной ему науке и философии. Проводится мысль о неразрывности историко-философской биографии мыслителя с общей ситуацией в развитии философии в конце XIX — начале XX веков.

Михаил Иванович Каринский происходил из семьи духовного сословия, он родился 4 (16) ноября 1840 года в Москве в семье дьякона Петропавловской

Александр Викторович Шевцов — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета; МАИ) (ashevzov@mail.ru).

церкви, Иоанна Александровича Каринского, мать — Марфа Евдокимовна. Семья Каринских проживала в районе, который в XIX веке назывался Божедомкой, по прозванию улиц и переулков вокруг учрежденной Мариинской больницы. В 1840 году в Петропавловской церкви Сретенского сорока при Мариинской больнице, в которой служил отец будущего философа, был крещен и Михаил. В этом районе селился тогда преимущественно бедный люд, и учрежденная императрицей Марией Федоровной, супругой императора Павла, больница должна была стать не только лечебным учреждением, но и местом, где нищий, бездомный люд мог рассчитывать на отдохновение и помощь. Мария Федоровна с 1796 года выступала попечителем этого проекта. С 1804 года, когда закладывалась больница в Москве, за Самотеком на окраине роши, практически одновременно с заложенной однотипной больницей в Петербурге на Литейном проспекте, императрица постоянно справлялась о продвижении дел и работ по строительству и организации больниц в столице и в Москве. Московская больница строилась с 1804 по 1818 годы, по замыслу архитектора И. Жилярди, и как ныне установлено, являлась точной копией здания Мариинской больницы, сооруженной в Петербурге по проекту архитектора Д. Кваренги в 1802–1805 годах. По своим архитектурным формам здание больницы классическое, по центру которого была вписана церковь: звуки служб должны были разливаться по палатам. Петропавловская церковь при больнице на Божедомке была освящена в 1806 году. Ансамбль больницы по замыслу архитекторов (в проекте московской участвовал также и А. Михайлов, один из авторов проекта Большого театра) должен был примыкать к парку. Позднее, в память и благодарность добродетелям императрицы Марии Федоровны и больницу, и рощу стали именовать Мариинскими (сейчас этот район Москвы называется Марьино роща). При Мариинской больнице были построены два отдельно стоящих и однотипных жилых флигеля. В одном из этих жилых флигелей жила семья Достоевских, а в другом проживали семьи священников и врачей, и там же проживала и семья Каринских. Ныне в одном из флигелей по адресу московской больницы по улице Достоевского, дом 4 находится музей писателя Ф.М. Достоевского.

По воспоминаниям биографов писателя, давать уроки закона Божия к детям, Федору и его старшему брату Михаилу, по установившейся в храме традиции приходил дьякон из больничной Петропавловской церкви, так как было заведено, что священники этой церкви не только служили, но и лично посещали проживавших в приюте и домах при больнице людей. Воспоминания ранних лет, проведенных на Божедомке, впечатления от общей атмосферы, царившей

здесь, в жилом флигеле Мариинской больницы, впоследствии послужили сюжетом Ф.М. Достоевскому к его раннему произведению «Бедные люди».

Биографические параллели Достоевского и Каринского относятся не только к ранним годам писателя и философа, они будут пересекаться и в Петербурге. Например, в учрежденном Ф.М. Достоевским «Гражданине» будут впоследствии публиковаться рецензии на несколько вышедших работ М.И. Каринского.

Каринский, как было принято в те годы в семьях людей духовного сословия, сначала обучался в духовном училище, по окончании которого был зачислен в духовную семинарию, и, закончив ее с отличием в 1858 году, был принят без вступительных испытаний в августе того же года в Московскую духовную академию. М.И. Каринский с отличием закончил МДА 28 сентября 1862 года со степенью магистра богословия¹. Окончание М.И. Каринским академии относится ко времени, связанному с подготовкой к принятию в 1863 году нового устава духовных академий России. По всей вероятности, отец будущего философа, который стал к тому времени уже священником Петропавловской церкви, особо не настаивал на дальнейшей духовной карьере сына, а возможно и на семейном совете было принято такое решение, поскольку по окончании своего обучения в академии, М.И. Каринский не изъявил желаний сразу защищать диссертацию и первые шесть лет своей педагогической деятельности преподавал древнегреческий, латинский языки, психологию и педагогику, гражданскую историю в Вифанской и Московской духовных школах.

Принятие нового устава духовных академий благотворно сказалось на повышении качества обучения, что, в целом, произвело прогрессивное воздействие на общую научную и учебную атмосферу в духовных академиях. С принятием трех уставов духовных академий в 1809–1814 годах, 1869–1870 годах и 1884 году можно говорить о развитии духовно-академической философии, оказавшей существенное влияние на развитие русской философии. Например, «... было принято положение о духовном образовании в академиях для мирян, а не только, как прежде, монахов. Это касалось и студентов, и преподавателей»². Так как с 1850-х годов кафедры философии в университетах России были за-

¹Архивный источник Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 4. Д. 1633 (об обучении М.И. Каринского в семинарии и Московской духовной академии, 8 страниц).

²*Введенский А.И.* Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 91.

крыты, а в академиях философия сохранилась, то многие университетские преподаватели философии продолжили работать в академиях. С 1863 года в духовных академиях философия получила новый импульс к развитию: ставилась цель философски осмыслить богословие. В академиях с этого времени складывается очень сильная логическая школа, поскольку логика рассматривалась необходимой дисциплиной не только при составлении проповедей, приобретении навыков гомилетических рассуждений, но и для анализа речей, касающихся толкования догматических вопросов.

Духовно-академическую философию XIX века в России традиционно оценивали и всегда принципиально воспринимали сквозь призму либо богословия, либо философии, особенно после реформ 1863 года. Однако, современный исследователь духовно-академической философии И.В. Цвык, прослеживая два исторических типа толкований и определений богословия и философии, характерных для XIX века, обнаружила их признаки еще в эпохе Патристики — у каппадокийцев, Иустина, Климента³. Так, согласно первой трактовке, как православные богословы, так и западноевропейские ученые были убеждены в том, что философию и теологию очень сложно разделить и рассматривать вне их взаимной обусловленности, вне исторической традиции, по которой философия предоставляла теоретическое обоснование богословию, а науки богословия являлись координирующим центром, поставившим понятийный аппарат и обоснование целей познания. То есть при таком подходе академическая традиция характеризовалась только лишь как богословская. Вторая традиция отождествляла философию и богословие. И.В. Цвык писала о более точной, третьей трактовке в оценке духовно-академической философии: «Этот подход в течение нескольких последних лет утверждается в современной исследовательской литературе и состоит в признании важной роли духовно-академического философствования в общей картине развития русской философской мысли»⁴.

Преподаватели и ученые духовных академий были известны своими исследованиями не только как сильные историки философии, но и как весьма серьезные интерпретаторы древних текстов. Например, В.Н. Карпов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, на чье место впоследствии пришел Каринский, был известен как первый переводчик на русский язык практически всех произведений Платона. Однако характерно, что занятиям профессо-

³Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 25.

⁴Цвык И.В. Там же. С. 26.

ров духовных академий наряду с историко-философскими наблюдениями были присущи также и проведение логических исследований. Василий Николаевич Карпов, в частности, в логике также провел оригинальные для своего времени исследования, суммировав их в «Систематическом изложении логики», работе 1856 года. В логике Карпова чувствовалось очень сильное влияние рецепций платонизма, выразившееся в усмотрении логических взаимосвязей, взаимообусловленностей сотворенного мира с миром идей, последние, собственно, будучи первичными в уме Бога, логически (как по своей внутренней логике) определили мир. Конечно, здесь явно присутствовали и чувствовались также и неолейбницеанские мотивы, что только подчеркивало не только оригинальность логической концепции Карпова, но и безусловно служило закономерной гармонизации этой концепции со всей многовековой богословской и философской мыслью.

Традиция философствовать в академиях имела очень древние истоки, закладывавшиеся в раннехристианском времени: сотворенный мир до определенных пределов доступен постижению разумом, тварная иерархия нашла отклик как рецепции Платона, платоновской онтологии в творениях апологетов, отцов Церкви. Иерархия идей Платона, затем и неоплатоников имело свое отображение в действительности, в сотворенном мире, но восприятию этого грандиозного замысла должно предшествовать созерцание, понимание, что очень совпадало у духовно-академических философов с аналогичными творческими установками, например, у немецких, так сказать «ранних» неокантианцев, людей верующих. Это традиция, восходившая к Шлейермахеру, Тренделенбургу, Зигварту и Лотце. В этом контексте рецепций платонизма, продумывание в платонической традиции устройства действительного и сотворенного мира оказывалось вместе с тем умосозерцанием онтологии мироздания, что было возможно повторить для человеческого удивления и восхищения перед силой Божественного замысла, если познакомиться с методом логики. Поэтому интерес к логическим исследованиям в отечественной духовно-академической философии был вполне обоснован: философски осмыслить христианство. Преподаватель М.И. Каринский, по-видимому, имел склонность к логическим исследованиям и проявлял интерес к проблемам логики. П.И. Горский-Платонов, научный руководитель, правивший магистерскую диссертацию Каринского⁵, отмечал, что Каринский писал сложно, докапываясь до самых первых причин, проверяя и перепроверяя

⁵ Горский-Платонов П.И. Голос старого профессора по делу Лебедева. М., 1900. С. 15–16; Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии // ЖМНП. 1918. Т. 2. С. 15. Примеч.

по шагам собственные выводы так, словно он видел перед собой цельную картину развития идей. Поэтому, когда в 1867 году в Санкт-Петербургской духовной академии образовалась вакансия на кафедре логики и психологии в связи со смертью профессора В.Н. Карпова, Каринский пожелал занять вакантное место и представил на конкурс свою программу. В тот раз конкурс Каринский не выиграл, кафедру занял профессор А.Е. Светилин, однако программа молодого соискателя не осталась незамеченной и была высоко оценена.

Когда в 1869 году М.И. Каринский был приглашен в Санкт-Петербургскую духовную академию на кафедру метафизики, и 9 июня 1869 года вышел соответствующий приказ ректора⁶, то по свидетельству И.А. Чистовича, профессора академии, о кандидатуре Каринского в академии уже были высокого мнения, благодаря тем высоким оценкам, которыми была ранее отмечена его программа по логике.

15 августа 1869 года Каринский стал доцентом кафедры метафизики в СПбДА, а уже в 1874 году он перешел на кафедру истории философии, что объясняется, очевидно, его особым интересом к историко-философской проблематике и равнодушием к созданию метафизических систем. Этот переход, который состоялся 13 мая 1874 года, сыграл большую роль в становлении Каринского как философа. С.М. Лукьянов⁷ и А.Л. Катанский⁸ единогласно утверждали, что Каринский мотивировал это осторожностью, а также и некоторой неготовностью «выработать самостоятельную систему философии». М.И. Каринский преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии 25 лет, с 1869 по 1894 год, когда оставил преподавательскую деятельность в звании заслуженного ординарного профессора. В академии он читал, главным образом, курсы по древней и новой философии. Кроме того, с 1882 по 1889 год Каринский также читал лекции по истории философии, логике и психологии на Высших женских (Бестужевских) курсах, а в 1891–1892 учебном году и на Педагогических курсах.

Принадлежность Каринского к духовно-академической традиции определила и его интерес к гносеологическим проблемам и к логике: это также было характерно для духовно-академической философии. Если сравнивать, напри-

⁶ *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за послед. 30 лет (1858–1888). СПб., 1889. С. 134.

⁷ *Лукьянов С.М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии. XIII // ЖМ-НП. 1917. Январь. С. 14.

⁸ *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора (с 1877 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1916. Февраль. С. 196–197.

мер, время профессоров духовных академий периода первых уставов и вплоть до 1868–1869 годов, то есть условно — до времени второго устава с «гоголевским периодом русской литературы»⁹, то академическое поколение конца 1860-х годов XIX века, поколение, к которому относился и Каринский, и чей творческий расцвет начался после принятия второго устава — этот ряд академических философов творил уже в «период Достоевского в русской литературе».

Необходимо отметить и определенный качественный уровень, заданный научной атмосфере сложившейся в академической науке и философии трудами профессоров философии Сидонского, Голубинского и Карпова, которые своими работами по философии заложили академический канон. В 1833 году Сидонский выпустил «Введение в науку философии», которое стало одним из первых духовно-академических учебников по философии¹⁰. Затем, с 1833 года кафедру философии петербургской духовной академии занял Василий Николаевич Карпов, который уже окончательно своими трудами построил теоретическое обоснование роли философии и ее предмета. В 1840 году Карпов, также как и Сидонский выпустил «Введение в философию», в которой дает описание характерной, с его точки зрения, черты русской философии: гармоничного сочетания внешних чувств, разума и веры. Этим трем типам познания у Карпова соответствовали и три типа бытия — физическое (чувственное), метафизическое и духовное¹¹. Концепция Карпова о трех видах познания легла в основание специфической черты русской философии: триединая идея познания согласовывалась с динамикой платоновской диалектики идей, и которая, в свою очередь, отображалась в идее христианского триединства, в Троице.

В.Н. Карпов, как представитель Петербургско-Московской школы «верующего разума», считал основанием философии сознание человека как факт внутреннего опыта, уже непосредственно известный, ясный и который поэтому не нуждается в каком-то особом виде доказательства. Мир и так воспринимается всеми людьми адекватно, то есть согласовано, и эти восприятия, в свою очередь, также действительны, поэтому нет необходимости принимать картезианскую точку зрения о каком-то сверхглубленном (аподиктическом) доказательстве как определенной демонстрации источника мышления о мире.

Каринский в дальнейшем продолжил идею Карпова в своем учении о самоочевидных истинах. Логика в академической философии традиционно вос-

⁹См.: Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2-х тт. Т. I. М., 1986. С. 245–246; 262, 273.

¹⁰Цвык И.В. Духовно-академическая философия... С. 62.

¹¹Карпов В.Н. Введение в философию. СПб., 1840. С. 29–30.

принималась как исходное учение о богопознании, а затем уже о мире и человеке. Очевидно этим объяснялся интерес Каринского к логике, но постепенно русский ученый распространил логику и на исследование философских вопросов, придав логической науке первостепенное место как критической теории. В упомянутом выше конкурсном проекте Каринский отмечал значение изучения логики не только для исследований законов мышления, но и важность логической проверки при исследованиях текстов прошлого.

По новому уставу преподавателям академий разрешались заграничные командировки для знакомства и изучения самых передовых достижений в науках. Поэтому важной вехой в творческой биографии М.И. Каринского стала научная годичная командировка в Германию, в знаменитый Геттингенский университет (с 15 апреля 1871 года по 15 апреля 1872 года). По возвращении в Россию, Каринский написал и опубликовал самостоятельный труд, «Критический обзор последнего периода германской философии» (1873)¹², появление которого ознаменовало собой начало развития философской работы Каринского. Написание таких отчетов в годы пореформенного обновления духовных академий было обязательным, так как командировки оплачивались из казны. В 1872 году Каринский стал членом Совета академии, что было признанием научных достоинств его исследования, а 24 сентября 1873 года ему было присвоено звание экстраординарного профессора¹³.

Об органической включенности М.И. Каринского в философскую и научную деятельность в России второй половины XIX века говорит и его знакомство с В.С. Соловьевым, их совместная деятельность в Петербурге. Это знакомство, по нашему предположению, могло состояться после возвращения Каринского в Россию и после издания «Критического обзора последнего периода германской философии» в 1873 году. С весны 1874 года можно говорить не просто о знакомстве Каринского с Соловьевым, а о их плодотворном творческом общении и научном сотрудничестве, которое устанавливается окончательно после того, как литературная и служебная деятельность В.С. Соловьева оказалась связанной с Петербургом.

Кроме этого, важно отметить, что Каринский выступил официальным оппонентом на защите диссертации В.С. Соловьева. В своем труде С.М. Лукьянов

¹²*Каринский М.И.* Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873.

¹³*Шевцов А.В.* Философские воззрения М.И. Каринского: Дис. канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2014. С. 22–23. Эл. версия: URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Shevzov_A.V._thesis.pdf. (Дата обращения: 03.11.2014).

привел весьма любопытные сведения о М.И. Каринском, которые могут послужить важными источниками, проясняющими образ этого мыслителя¹⁴. Освободившееся место на кафедре философии в Московском университете после смерти П.Д. Юркевича вызвало обсуждение на факультетском собрании 14 октября 1874 года, когда кандидатуру Каринского под литерой «А» впервые выдвинул и защищал профессор А.Н. Иванцов-Платонов. Вторым кандидатом, сыном ректора С.М. Соловьева, В.С. Соловьев не имел еще степени магистра, Каринский имел звание профессора, но не имел ученой степени (доктора). Хотя ученый совет тогда и высказался в пользу В.С. Соловьева, но в итоге на данную кафедру был приглашен профессор М.М. Троицкий из Варшавского университета.

24 ноября 1874 года, как об этом подробно писал С.М. Лукьянов, М.И. Каринский выступил одним из официальных оппонентов на защите диссертации В.С. Соловьева «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874). Официальными оппонентами были Срезневский, Владиславлев, Каринский, а частными — Де Роберти, Лесевич, Вольфсон, Идельсон, причем оппоненты Де Роберти, Лесевич и Каринский выступали с критикой диссертации. «В довольно нелестном тоне отозвался также профессор духовной академии г. Каринский», — отмечал С.М. Лукьянов¹⁵. По свидетельству Н.Н. Страхова, (его статья была опубликована 2 декабря 1874 года в «Гражданине», редактором издания был Ф.М. Достоевский): «...проф. Каринский сказал несколько слов о том, что диспутант не обратил внимания на гносеологическую сторону позитивизма и, следовательно, не опроверг самой сильной его опоры»¹⁶. Как следовало из стенограммы защиты, Каринский остался не вполне удовлетворен ответами Соловьева, так как ясного ответа, что такое позитивная философия и как в этой философии выстраивается теория познания, не получил, но, в то же время, не стал на нем настаивать.

В будущем В.С. Соловьев и М.И. Каринский продолжали общаться на почве общих научных интересов. Например, в одном из опубликованных в журнале «Мысль и слово» писем Соловьев просил редактора «Православного обозрения» Преображенского напечатать статью М.И. Каринского «Явление и действительность». Эта статья М.И. Каринского увидит свет в 1878 году в «Православном обозрении» во многом и благодаря мнению В.С. Соловьева.

¹⁴ Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве... Т. 2. Кн. 2. Пг., 1918. С. 49, 63, примеч.

¹⁵ Лукьянов С.М. Там же. Кн. 1. Пг., 1916. С. 418.

¹⁶ Там же. С. 428.

Кроме того, оба мыслителя причастны к созданию Философского общества в Петербурге: М.И. Каринского и В.С. Соловьева объединяло общее стремление к развитию философского образования и институционализации философии в России. Как отмечал А.В. Соболев, исследователь истории религиозно-философского общества памяти В. Соловьева, «создать философское общество в России впервые попытались в Петербурге зимой 1879/80 г. после ряда предварительных обсуждений на квартире товарища министра финансов Ф.Г. Тернера. 15(27) февраля 1880 г. было созвано совещание учредителей будущего философского общества для выработки устава. Учредителями были Вл. Соловьев, Н. Страхов, Э. Радлов, М. Каринский, К. Бестужев-Рюмин, Д. Цертелев, А. Светилин и некоторые другие лица»¹⁷. Однако, как подчеркивал А.В. Соболев, первые попытки создания философского общества в Петербурге потерпели неудачу, поскольку тогдашний министр внутренних дел Д.А. Толстой посчитал это «праздной затеей и не утвердил устав». Более успешно создание такого общества прошло в Москве, там его удачно «закамуфлировали» безобидным словом «психология»¹⁸, 15 июля 1884 года устав Московского психологического общества был утвержден, а 24 января 1885 года общество собралось на свое первое заседание под председательством философа профессора Московского университета М.М. Троицкого. Справедливости ради, надо сказать, что психологическая наука тогда, в последней четверти XIX века только становилась, уточнялся ее предмет, базовые посылки и поэтому психологию, психологические предметы еще отчетливо не отделялись от философской теории познания, от когнитологии, теорий рефлексов. Предмет психологии числился по кафедре философии и читался философами: психологию в тот период воспринимали как часть теории познания, как науку о мышлении, стоявшей на перекрестии логики и медицины. Отметим также, что возрождение неокантианских познавательных открытий в научной сфере, которое имело место не только в Европе, но и в России, привело к всплеску и образованию из недр философии совершенно новых наук, например, идея макрокосмоса и микрокосмоса — прочтения человека как организма, находящегося в гармонии со Вселенной — привело к образованию биологии, поэтому возникновение в Москве «Психологического общества» было вполне обосновано методологически. В выпусках учрежденного журнала «Вопросы философии и психологии» видим регулярно публиковавшиеся спис-

¹⁷ Соболев А.В. К истории религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник' 92. М.: Наука, 1994. С. 102.

¹⁸ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 3. СПб., 1911. С. 260. Соболев А.В. К истории... С. 103.

ки членов-учредителей и действительных членов Психологического общества: в них присутствовали практически все философы и ученые России, это и Каринский, В.С. Соловьев, Сеченов, Мечников, Менделеев и многие другие.

И впоследствии, надо сказать, В.С. Соловьев высоко ценил М.И. Каринского как ученого, прислушивался к его мнению. Ю.А. Квасова приводит пример, когда Соловьев в 1890 году в своей статье о книге кн. С.Н. Трубецкого «Метафизика в древней Греции» выразил готовность, «не читая (отчасти ввиду рецензии Э.Л. Радлова), причислить монографию М.И. Каринского «Бесконечное Анаксимандра» к трудам самостоятельным и основательно продуманным»¹⁹.

Русский философ Э.Л. Радлов, считавший себя учеником М.И. Каринского, следующим образом выражал свое мнение о научной деятельности своего наставника: «Во всех своих работах он [Каринский] выказал одинаковую добросовестность, аналитическую способность и самостоятельность, и ежели доньше можно было утверждать, что хотя на русских философах и отразились самые разнообразные направления западноевропейской мысли, но русской философии нет, то теперь это уже неверно: вклад М.И. Каринского настолько значителен, что его имя будет упоминаться наряду с крупнейшими мыслителями, занимавшимися логикой и гносеологией»²⁰.

По смысловому единству и по временным границам, к историко-философским трудам Каринского первой половины 1870-х годов примыкает и довольно интересная критическая статья «К вопросу о позитивизме» (1875), главной идеей которой стал последовательно проведенный Каринским логико-философский анализ «основоположений» позитивизма. В результате, в данном исследовании Каринский показал, что в своих гносеологических предпосылках или основоположениях (*Grundzuege*, нем.) позитивной философии содержится изначальное скептическое недоверие опыту. Поэтому философ обозначал терминами «скептические направления» те из разновидностей философии, которые вносили в рассуждения дополнительные понятия, концептуальные сущности для обоснования своей «позитивности» по отношению к исследуемым фактам действительности, как нечто еще добавленное, дополнительное, кроме этой самой действительности. Каринский обозначал данные разновидности философии скептическими направлениями по их отношению к фактам реальности или истинной действительности. Например, очевидно, что философ трактовал в ка-

¹⁹ Квасова Ю.А. Жизнь и научное творчество М.И. Каринского... С. 25.

²⁰ Радлов Э.Л. Ученая деятельность профессора М.И. Каринского // ЖМНП. № 12. 1895. С. 53–54.

честве «скептицизма» особого рода в новом позитивизме набиравшую популярность феноменологию. Каринский полагал, что дополнительные понятия создаются вследствие недоверия к восприятию, к опыту, поэтому им делается вывод, что незачем вводить в философский дискурс новые термины, «феномены», «феноменальное», если есть привычные слова «явление», «явленности»²¹.

Ко второму периоду философской эволюции ученого относится временной отрезок, охватывавший конец 1870 годов, точнее 1878–1880 годы. В это время появилась знаковая статья «Явление и действительность» (1878)²², вышедшая в «Православном обозрении», в которой Каринский намечал новый предмет и критически оценивал саму возможность аподиктического познания действительных предметов. Но по своим идеям статья «Явление и действительность» восходила к работе «К вопросу о позитивизме» 1875 года, что указывает на интерес мыслителя и к проблематике современной ему философии.

По поводу терминологии Каринского отметим следующее: дело в том, что ко времени его стажировки в Германии в 1871/72 году, такие философские направления как эмпириокритицизм еще только образовывались, либо еще не сформировались вовсе как, например, классическая феноменология (Гуссерль), однако Каринский довольно отчетливо определил познавательные интуиции. Он интуитивно предполагал, как пойдет развитие мысли и поэтому для обозначения новых тенденций в философии использовал термины «новый эмпиризм», «новый», «новейший позитивизм», «новый скептицизм», поэтому его не устраивал ни рационализм, ни эмпиризм. Источником современной ему рациональной философии Каринский считал критическую теорию И. Канта. Но даже в самой критической теории, если правильно применить логическую проверку ее основоположений, обнаруживались не до конца проведенные исследования. Таким образом, оказывалось, что аксиомы рациональных теорий были только теоремами, а сама аксиоматика находилась в более глубоких пластах представлений. Каринский постоянно требовал всей строгости, прежде чем согласиться с какой-либо теорией. Поэтому логику Каринский рассматривал как своего рода строгую методологию, которой должен уметь пользоваться ученый при проверке знания и его структуры, прежде чем принять как аксиому. Так, например, при исследовании теории познания Тренделенбурга, Каринский принял у него за существенное знание только концепции цели и движения.

²¹ *Каринский М.И.* К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875. № 10 (октябрь). С. 345–375.

²² *Каринский М.И.* Явление и действительность // Антология феноменологической философии в России / Под общ. ред. И.М. Чубарова. М., 1998. С. 18–52.

Каринский уже в своей работе о позитивизме высказал мысль об общей неясности логического исследования и вытекающих из этой непроясненности заблуждений в гносеологии. Так, Каринский установил и убедительно показал понятийную путаницу, связанную с заменой на понятийном уровне логических исследований психологическими обозначениями, то есть когда называлось логическим предметом то, что на самом деле было чисто психологическим объяснением. Извне могло показаться, что по своему смыслу психологическое и было на самом деле логикой. Философ показал, что называется «психологией» и что называется «логическими исследованиями». По Каринскому, это была типичная для его времени существенная методологическая ошибка, подмена понятий. Здесь Каринский привел наиболее сильный аргумент против «психологизма» в «новом позитивизме», который со всей очевидностью показывает, по нашему мнению, существо отношений ученого к проблеме смешивания логики с психологическими составляющими понятиями в умозаключении, и наоборот, все опасности при смешении, когда психические элементы опыта выдавали за логические факты и умозаключения: «психологические объяснения веры [убежденности в достоверности] нужно остерегаться смешивать с логическими объяснениями ее оснований»²³. Похожие опасения будет к началу XX века выдвигать и основатель классической феноменологии Э. Гуссерль («Логические исследования» Гуссерля, том I, выйдет только в 1901 году).

Надо сказать несколько слов о влияниях испытанных Каринским во время стажировки в Германии. У Каринского нет зафиксированного мнения о своих учителях в философии, нет указаний на научное руководство, поэтому при реконструкции взглядов философа необходимо руководствоваться анализом его текстов, например, «Критического обзора...» или упоминания мнений его учеников, Миртова²⁴, Радлова, Алексея Введенского, В. Серебренникова²⁵. Во время стажировки Каринского в Германии, в Геттингенском университете в 1871–1872 годы читал лекции Герман Лотце, который по единодушному признанию, встречающемуся у многих современников Каринского, не создал своей школы философии, но идеи и взгляды Лотце производили на слушателей существен-

²³ Каринский М.И. К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875. С. 29.

²⁴ Миртов Д.П. М.И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово (Философский ежегодник под ред. Г.Г. Шпета, 1917–1921 гг.). Т. 2. С. 8.

²⁵ Серебренников В.С. Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май. С. 409–423.

ное влияние. Причем, это отмечали и многие ученые и философы (это мнение мы встречаем и у Радлова, и Миртова²⁶).

Некоторые интересные факты из творческой биографии Каринского встречаются в работе современного отечественного психолога Ю.А. Квасовой²⁷. Квасова привела высказывания Каринского, отраженные им в «Критическом обзоре...», что из его немецких учителей выделялся своими лекциями Лотце. Каринский писал в этой связи, что «...лекции Куно Фишера в Йене были захватывающими, живыми и пленяющими аудиторию, но зато лекции по логике Лотце были привлекательны трудной умственной работой»²⁸. Из Геттингена Каринский совершил поездки в Йенский университет, где слушал в начале осеннего семестра 1871 года лекции К. Фишера по истории древней философии и Фортлаге по метафизике и логике. М.И. Каринский побывал также и в университете Гейдельберга, где он слушал лекции Эдуарда Целлера по психологии и философии права, Рейхлина-Мельдига по эстетике и Каспари по истории материализма. Можно заключить, что все прослушанные Каринским курсы философских наук повлияли на становление русского мыслителя, но наибольшее влияние на его творчество, на наш взгляд, произвели все же лекции Лотце в Геттингенском университете.

Высоко оценивал Каринский и значение Целлера для истории философии. Эдуард Целлер принадлежал к широко известной плеяде немецких историков-доксографов, ученых антиковедов: Шлейермахер, Кранц, Дильс, Брандис. Каринский в своих текстах посвященных греческой философии постоянно опирался на толкования и переводы Дильса и Целлера. Например, если судить по работе Каринского «Бесконечное Анаксимандра» (1890), где русский философ сделал сложный перевод, с постоянной сверкой с Целлером и Дильсом, то можно с уверенностью сказать, что по методике работы с древнегреческими текстами, Каринского можно причислить к ряду заслуженных доксографов. В этой работе, «Бесконечное Анаксимандра», Каринский проанализировал по фрагментам Анаксимандра его, Анаксимандра, представление о бесконечном (как телесной природы, появляющейся путем выделения), показал концепцию беско-

²⁶См.: Миртов Д.П. Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном: (Из истории борьбы с материализмом и опытов примирения веры и знания в философии XIX в.). СПб., 1914.

²⁷Квасова Ю.А. Жизнь и научное творчество М.И. Каринского. Научная и педагогическая деятельность М.И. Каринского // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 15–81.

²⁸Каринский М.И. Критический обзор... С. 194.

нечного и как она была представлена у Архелая и Аристотеля; при этом Каринский пользовался как самими древнегреческими источниками, так и переводами Дильса и особенно Целлера. Каринский показал, что Анаксимандр понимал бесконечность как *сома* (тело, древнегреч.) телесной природы, которая появляется путем выделения из ничего в моменте смешения всех видов (*то метадо алло генос*, древнегреч.) сразу и во все пространство²⁹.

На протяжении всего творчества Каринский занимался историко-философскими исследованиями. Интересные работы, написанные по историко-философской проблематике, характеризуют его как разностороннего ученого: «Египетские иудеи» (1870), «Подложные стихи в сочинении иудейского философа Аристовула» (1876), «Аполлоний Тианский» (1877), «О связи философских взглядов с физико-астрономическими в древний период греческой философии» (1883), «Бесконечное Анаксимандра» (1890) и другие тексты. Наследие М.И. Каринского как историка философии оказывается весьма значительным, с учетом рукописных изданий лекций ученого, которые были литографированы либо самим Каринским, либо его учениками, например, Миртовым, Радловым, Алексеем Введенским, В. Серебренниковым и другими.

Эти лекции группировались по учебным годам, а также по тематике — по истории древней философии (понятие философии, задачи истории философии, разделение, периодизация истории философии, периоды греческой философии, школы ионийской, пифагорейской и элеатской философии, философия Гераклита, Анаксимандра, Платона и Аристотеля). В другом курсе лекций, который М.И. Каринский отвел истории новой философии, он изложил обзор философских учений Бэкона, Декарта, Гейлинкса, Мальбранша, Спинозы, Локка, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Причем, курсы его лекций были записаны не только им самим в стенах духовной академии, но также и слушательницами Каринского на высших (Бестужевских) женских курсах в 1886–1888 годах.

Особо отметим заслугу М.И. Каринского как редактора при первом переводе на русский язык труда Целлера «Очерк истории греческой философии» (1886). Что еще раз подтверждает высокий профессиональный уровень русской духовно-академической философии, ученых этой школы³⁰.

²⁹ См.: Каринский М.И. Бесконечное Анаксимандра. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1890.

³⁰ Целлер Э. Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С.Л. Франка. М., 2012. С. 342. Примеч.

Кстати, известен также и такой показательный факт, что в один и тот же учебный год, 1871/72, вместе с Каринским лекции Лотце в Геттингене слушал и Готлоб Фреге, последний приехал из Йены, так как там не было специальной комиссии по математике. После прослушанного курса у Лотце, Фреге написал и защитил свою вторую диссертацию уже с изрядной компонентой философии. Что же представляла собой концепция Лотце. Эта теория во многом восходила к учению об идеях Платона, которое перешло к Лейбницу. Лотце задумывал свой главный труд, «Микрокосм», учение о человеке, состоявшим из трех частей, учения о душе, логике и антропологии. Но за смертью автора, были окончены только две части — Учение о душе (психология) и учение о человеке (антропология). Кстати, перевод Лотце был сделан Евгением Коршем, знакомым М.И. Каринского в 1867 году. И готовился перевод логики Лотце, отработку этого курса Германом Лотце в Геттингене и воспринимали студенты, в том числе М.И. Каринский и Г. Фреге. Интересный факт, сблизивший ровесников, Каринского и Фреге — и тот и другой были людьми верующими. Так, Фреге окончил церковную школу в Мекленбурге, а затем теологический факультет. Происходил Фреге из семьи верующих лютеран, пиитов.

В «Критическом обзоре...» Каринский определил свое отношение к послекантовской философии, применив критический же метод Канта, и пришел к ряду заключений, что не все послекантовские философии были действительно глубоко продуманными и достаточно прогрессивными. Так, Каринский поставил особняком теории Тренделенбурга, за предложенное им в его «Логических исследованиях» (1840) описание развития и движения к цели, телеологическое движение; концепции Лотце, за оригинальное мета-платоническое описание бытия. С большой долей вероятности можно утверждать, что Каринский именно Лотце ставил выше всего как наиболее близко подошедшего к существу дела теории философского познания. Обобщающие выводы русского философа были такими: во-первых, каждое из направлений, Тренделенбурга, Лотце, Гербарта, Шопенгауэра и Гартмана, пыталось найти путь к познанию истинной реальности, опираясь на результаты критической философии; во-вторых, «ни одно из мировоззрений, развившихся внутри этих направлений, не выдерживает критики; в-третьих, на почве критической философии невозможно построить прочного мировоззрения, которое не отрицало бы возможности предметного знания»³¹. По Каринскому, необходимо сочетать критико-рационалистический подход к проверке получаемых выводов, но и по возможности доверять, полагаться на оче-

³¹ *Радлов Э.Л.* Ученая деятельность профессора М.И. Каринского. С. 15.

видную реальность. Причем, у Каринского не только действительность, данная нам в ощущениях истинна, но и представления человека, в том числе о Боге — то же могут быть истинны, особенно, если при таких построениях исходили из истинных основоположений. Главной методологией своей философии в процессе анализа теорий прошлого и при построении нынешних теорий Каринский видел логику. Причем, логика есть истинное познание, она должна не только из истинных посылок выводить истинные же заключения, она должна доверять разуму человека тоже, который способен к постижению самоочевидных истин реальности. Концепцию философии М.И. Каринского можно назвать теорией онтологического реализма.

К положительным мыслителям, то есть к философам позитивистского направления, Каринский относил ряд ученых, как правило, впоследствии названных неокантианцами, которые усомнились в праве рассудка на вынесение «достоверного» знания без критической же проверки на истинность, на достоверность всякого подобного знания. Во времена Каринского термин «неокантианство» еще не утвердился, не закрепился терминологически в научной литературе. Например, Каринский особенно ценил Адольфа Тренделенбурга, Фридриха Ибервега, Фридриха Дробиша за направленные этими философами вопросы к самой логической методологии, вопросы о праве выстраивать логические суждения. Каринский писал, что наиболее близок к формальному пониманию логики был Дробиш, Каринский его концепцию ценил за едва ли не геометрическую пропорциональность соответствий мышления высказыванию. Но и Дробиш не достиг идеала в логике. Ибервег и его логика, по Каринскому, их концепции были фактическим развитием гегелевской философии метафизики.

В отношении неокантианцев, или «полукантианцев», Каринский, рассмотрев систему Фриза, заключил, что самым положительным моментом этой системы было признание им за Кантом и его «Критикой чистого разума», некоего приоритета, который имеет разум при вынесении регулятивных суждений: «...закон ума с его идеями имеет исключительно регулятивное значение в процессе знания»³². Однако, по заключению Каринского, допускаемые у Фриза отступления от Канта были незначительны, поэтому неудивительно, что Каринский выделил продолжателя дела Фриза — Апельта. Концепция Апельта приобрела уже законченный вид. Исходя из того, что нигде у Канта нет доказанного предположения, что истина основывается на причинном предположении об отношении предмета к представлению и что познание только настолько объективно, насколько предмет есть основание (суждение) о нем (по толкованию Каринским Апель-

³² Каринский М.И. Критический обзор... С. 243.

та), Каринский заключил далее, что мысль Канта о возможности и необходимости сама, очевидно, могла возникнуть только при условии ранее уже имевшихся предрассудков (предпочтений, родившихся из предыдущего опыта).

Таким образом, Каринский согласился с Апельтом, что «... в системе идей мы не можем иметь особую науку, — в ней мы имеем только систему пограничных понятий нашего знания, которая может лишь разъяснить, чем именно не должно быть истинно сущее»³³. Русский философ предложил такое решение: 1) так как мы знаем, что мир, данный в опыте, не может быть закончен, а поэтому не может удовлетворять требованию нашего ума, то отсюда, 2) истинно сущее должно быть не таково, каким является оно в нашем опыте. Но это же предвосхищение критического отношения к некоторого рода «предфеноменологии». При разборе концепции Апельта и Фриза Каринский через анализ, или мета-анализ понятий бесконечного, пространства и времени пришел к фундаментальному заключению, что здесь имелось противоречие — с одной стороны, очевидна необходимость мысленного признания истинности безусловных требований ума, а с другой стороны, признание законности сомнения в приоритете требований ума над действительностью. И Каринский это обозначил как неразрешимую дилемму между Кантом и Фризом. От этого заключения Каринский логично пришел к выводу, что «здесь дело не в новом предложении решения этого противоречия, а дело здесь в основной ошибке «Критики чистого разума»³⁴. Это все касалось критических портретов различных философий, которые Каринский очерчивал в своем «Критическом обзоре...» (1873).

Наиболее выверенные решения «загадок» философии, конечно на то время, но и на некоторую перспективу, Каринский представил в своей докторской диссертации «Классификация выводов» (1880). Итак, к условно второму периоду философских исследований Каринского относится и создание русским философом оригинального и вполне самостоятельного исследования по логике: труд «Классификация выводов» (1880) — докторская диссертация, которую Каринский успешно защитил в Петербургском университете. Этот факт тоже сам по себе удивителен, ведь считалось, что академические ученые в силу специфики своего богословского предмета просто говорят на другом языке и в научном познании безнадежно отстают. Поэтому открытая, публичная защита Каринским своей докторской диссертации и именно в Санкт-Петербургском университете продемонстрировала всем очень высокий уровень подготовки академических ученых.

³³Там же. С. 251.

³⁴Там же. С. 260.

Считая логику одной из главнейших дисциплин философии, с помощью которой возможно познание, не только как открытие нового, но и в качестве проверки уже открытого знания, что тематически восходило в итоге к идеям о логике Лейбница, Каринский представил в «Классификации выводов» некую сплавленную логическую систему. Дело в том, что он считал, что в основаниях современной философии, по крайней мере немецкой, в основном в истоках находилось учение Канта. Каринский отождествлял рационалистический тип философии с Кантом, но используя сам критический метод Канта, он попытался задать и ответить на самые существенные, фундаментальные вопросы: вопросы о предпосылках мышления, об «основоположениях».

В «Классификации выводов» М.И. Каринский проанализировал все типы вывода и обнаружил, что все имеющиеся системы дедуктивной теории нуждаются в обновлении, потому что со времени Аристотеля силлогизм иногда, по третьей фигуре может пониматься как индуктивное положение. Поэтому требовалось внести определенные корректировки. В своем исследовании Каринский, определив вывод как логическое право перенесения из одного суждения элементов на соответствующее им место в другом суждении, высказал идею, что одной из типичных ошибок в логике была неразличимость между «перенесением» и «замещением». При замещении, происходит замена одной сущности на другую сущность, что есть логическая ошибка. При переносе, считал мыслитель, «сличаются», сравниваются только предикаты, качественные характеристики предметов, но сущность сравниваемых предметов остается неизменной. Онтологии сравниваемых предметов остаются неизменными.

Каринский разработал логическое учение об отношениях между предметами, что нашло свое место в логиках, учитывавших отношения при сравнении предметов. Эта концепция была продолжена учениками Каринского (Л.В. Рутковским, Г.И. Челпановым, С.И. Поварниным) в конце XIX века и начале XX века. Вначале Рутковский, а затем Поварнин обозначат в качестве исходной концепцией логическое учение Каринского как логику отношений, имеющую вид aRb , где R отношение предмета a к предмету b . После возвращения логики в университеты согласно постановлению 1943 года, теория М.И. Каринского получила признание в трудах П.С. Попова, Н.И. Кондакова, который относил логику Каринского к алгебраическим, к алгебре логики. Классификацией выводов Каринского занимались и такие известные ученые, как В.Ф. Асмус, Е.К. Войшвилло, Н.И. Стяжкин, А.А. Зиновьев.

Значительный интерес представляет работа М.И. Каринского «Об истинах самоочевидных» (1893). В ней Каринский продолжил разработку своей логической теории в отношении учения об истине в познании. В этой работе он провел также исследование учения Канта о концепции пространства и времени.

Подчеркнем, что Каринский выстраивал глубоко продуманную философию, соединенную с критической методологией, которой являлась логика. Но это в то же время был совершенно лейбницеанский подход к универсализации наук в их единстве в Боге, некая энциклопедия наук вокруг одного ствола. Идея лейбницеанской философии, универсальной науки (логики) восходила к рецепции платонизма.

Каринский не считал, что в философских науках присутствует реальное разделение, некие реальные модификации — мыслителя не устраивал ни рационализм, ни сенсуализм (эмпиризм). Он считал, что любое знание нуждается в фундаментальной, то есть логической проверке своих основоположений, своих аксиом. Только в этом случае знание будет истинным, и к тому же оно будет фундировано на истинных аксиомах. Таким образом, у Каринского вопрос о позитивизме сближался с вопросом о научном знании. Анализируя рационалистические и скептические теории, Каринский пришел к выводу, что достоверность основных посылок знания, то есть «самоочевидных истин», ни рационализмом, ни скептицизмом (эмпиризмом) не доказана. Общим их заблуждением Каринский полагал, что оба эти направления считают внешнюю действительность, лежащей за пределами личного сознания, а поэтому полагают, что к исследованию этой действительности неприменимы те приемы, какие использует наука во всех других случаях. М.И. Каринский пришел к выводу о полемичности позиции представителей скептицизма (эмпиризма, нового позитивизма) при решении ими вопроса о внешнем бытии: философами этого направления была допущена неточность (по-отдельности) «в способах решать вопросы о существовании в области явления и в области действительности»³⁵.

Выводы М.И. Каринского, которые он изложил еще в «Критическом обзоре последнего периода германской философии» (1873) заключались в том, что «... Кант признал некоторые суждения всеобщими и необходимыми, не только до исследования о логическом праве их на такие свойства, но даже прямо предположив, что не может существовать *никакого понятного для мысли оправдания их по самому их содержанию*»³⁶.

³⁵ Каринский М.И. Явление и действительность... С. 38.

³⁶ Каринский М.И. Критический обзор... С. 332.

Итоговые выводы, к которым пришел М.И. Каринский в «Классификации выводов» (1880) были следующими: «... процесс умозаключения есть решение вопроса о праве перенести один из элементов одного суждения на соответствующее ему место в другом суждении, — решение, которое мотивируется или тождеством или противоречием между остальными элементами тех же суждений»³⁷. Таким образом, отсюда следовало, что «...мысли приходится соединять многие суждения с одним и тем же субъектом (т.е. усложнять предикат) ради достижения своей цели...»³⁸, которая есть единство мышления и самосознания. Закономерное развитие логического учения привели мыслителя к формулировке учения о самоочевидных истинах (1893): несмотря на то, что сознание всегда находится в постоянном процессе «перебора», или «сличения, сравнения», то есть стремиться «подобрать» элементы до тождества путем перебора признаков сравниваемых предметов, несмотря на этот постоянный процесс, он тем не менее завершается, так как мышление использует умозаключения от группы к агрегату. Из этого следовало, что М.И. Каринскому удалось совершить прорыв в логике и философии. Отечественный философ, собственно, и разработал логический инструмент для проверки результатов познания — учение о самоочевидных истинах.

Понятийным и методологическим ядром своего логического, а поэтому фундаментального учения, Каринский считал теорию агрегата. Под понятием «агрегата», согласно трактовке Каринского, следует понимать группу логических элементов А, В, С и так далее до $n+1$. Далее, на основании отдельной подгруппы значений, наиболее характерных, на основании восприятия выделенной части элементов из всей группы значений допустимо заключать обо всей группе значений или признаков при сличении субъектов, как агрегате от группы.

Чтобы отличить свое учение от аналогичных концепций других философов и логиков, Каринский предпринял самостоятельное критическое исследование других теорий и показал их близость и совершенную разность. Так например, Каринский показал, что Дж. Ст. Милль в своем учении по индуктивной логике не давал того большого значения суждениям по неполной индукции, какое придавал суждениям и умозаключениям от группы к агрегату Каринский, подчеркивая, что высказывания от агрегата наиболее близко относятся к описанию действительности. Каринский заметил, что Милль не придал должного

³⁷ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / под ред. П.В. Таванца. М., 1956. С. 176.

³⁸ Там же. С. 177.

веса разработке учения об ассоциативном познании, об ассоциациях и их роли в теории познания, Милль свел эту проблему к психологическим коннотациям. Каринский, вместе с тем, отмечал, что в рационалистической философии, начиная от Канта, не всегда выдерживалось заявленное самим Кантом критическое исследование и оценка фундаментальных выводных предпосылок, «основоположений» мышлению. Каринский писал, что только некоторые принципы были приемлемы у Дживонса, Дробиша, Тренделенбурга и Лотце.

Итак, для Каринского и он это показывал в своих трудах, мир — действителен, мысли человека о мире и Боге так же действительны, а скептицизм, который вносит различные дополнения (феномен, феноменализмы) для познания, не достигает своей цели. Под «скептицизмом» в философии Каринский понимал новые направления в философском знании, которые утверждали сомнения в реальности, аподиктичности действительности до введения новых, то есть излишних понятий, как например, вместо привычных «явлений» в виде особых сущностей вводились «феномены», «феноменальное» с дополнительными, то есть усложнявшими понимание метаописаниями. Каринский рассматривал в таком философском процессе опасность возникновения некоторого догматизма и, тем самым, следовательно, предвосхищал феноменологию. Философское учение Михаила Ивановича Каринского является цельной теорией и единой во всех своих многообразных тематических вариациях, свое учение он методологически выстраивал на фундаменте логики.

Источники и литература

1. *Введенский А.И.* Судьбы философии в России // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.*: Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.
2. *Горский-Платонов П.И.* Голос старого профессора по делу Лебедева. М., 1900. С. 15–16.
3. *Каринский М.И.* Бесконечное Анаксимандра. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1890.
4. *Каринский М.И.* К вопросу о позитивизме // *Православное обозрение.* 1875. № 10. С. 59–71.
5. *Каринский М. И.* Классификация выводов. СПб., 1880.

6. *Каринский М. И.* Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / под ред. П.В. Таванца. М., 1956.
7. *Каринский М.И.* Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873.
8. *Каринский М. И.* Об истинах самоочевидных. 2-е изд. М., 2012.
9. *Каринский М.И.* Явление и действительность // Антология феноменологической философии в России / под общ. ред. И.М. Чубарова. М., 1998.
10. *Карпов В.Н.* Введение в философию. СПб., 1840.
11. *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора (с 1877 по 1913 г.) // Христианское чтение. 1916. Февраль. С.184–212.
12. *Квасова Ю.А.* Жизнь и научное творчество М.И. Каринского. Научная и педагогическая деятельность М.И. Каринского // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012.
13. *Лукьянов С.М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии. XIII // ЖМНП. Т. 2. Январь. 1918. С. 12–34.
14. *Миртов Д.П.* М.И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово. Т. 2. М., 1917–1921.
15. *Миртов Д.П.* Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном: (Из истории борьбы с материализмом и опытов примирения веры и знания в философии XIX века). СПб., 1914.
16. *Радлов Э.Л.* Очерк истории русской философии // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.*: Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.
17. *Радлов Э.Л.* Ученая деятельность профессора М.И. Каринского // ЖМНП. 1895. № 12. С. 51–68.
18. *Серебрянников В.С.* Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май. С. 409–423.

19. *Соболев А.В.* К истории религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник' 92. М.: Наука, 1994.
20. *Чернышевский Н.Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // *Чернышевский Н.Г.* Сочинения в 2-х тт. М., 1986. Т. I.
21. *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889.
22. *Цвык И.В.* Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002.
23. *Целлер Э.* Очерк истории греческой философии / пер. С.Л. Франка. М., 2012.
24. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 4. Д. 1633.
25. *Шевцов А.В.* Философские воззрения М.И. Каринского: Дис. канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2014. Эл. версия: URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Schevzov_A.V._thesis.pdf (дата обращения: 03.11.2014).